

Неслужебный роман

Автор:

Евгения Кретьова

Неслужебный роман

Евгения Кретьова

Лидии Федоскиной двадцать девять. Молодая, успешная женщина, с чувством юмора и шикарной дачей в шесть соток в подмосковном Подлипкове. Ее жизнь сложилась, перемены ни к чему. И дался ей этот мужик на "Крайслере" с идиотской улыбкой и старомодной музыкой из приемника! И еще неизвестно, как бы все получилось, если бы не странное, ничем не объяснимое происшествие – похищение Лиды.

Евгения Кретьова

Неслужебный роман

1

Лето выдалось на удивление «жаркое». Никто и не ожидал такой прелести. С утра лил дождь, темные тучи громоздились друг на друга, словно пытаются задавить. Днем, откуда ни возьмись, появлялось яркое, ослепляющее солнце. Сразу становилось жарко. Но это чудо длилось недолго. Уже к вечеру небо снова затягивалось тучами, дождь из них теперь не лил, а мелко моросил, куксился, словно переживая из – за того, что еще один день лета прошел, а он не придумал никакой новой пакости.

Словом, не лето, а сплошное чудо природы.

Но, между тем, отпуск продолжался.... Хотя, чего душой кривить, близился к финалу. На плечах образовались две жалкие полоски незагорелого под бретельками купальника тела, которыми было смешно хвастаться на работе. Однако, по сравнению с другими отдыхающими и отдохавшими, у меня было несравненное преимущество – мое лето было полно впечатлений.

Все началось с того, что вместо поездки на море, куда-нибудь на Кипр или Гаити, или в Туапсе, на крайний случай, я решила провести отпуск нестандартно. То есть нестандартно для многих моих сослуживцев... Они – то как раз и поехали на Кипр, Гаити или в Туапсе. А я осталась в Москве, окучивать грядки и варить варенье из ранеток.

Люди, далекие от садоводства, почему – то считают, что не может быть более замечательного отдыха, чем на собственной “вилле” в Подмосковье. Томные вечера за кружечкой парного молока, в тени дикорастущей сирени, когда «не слышны даже шорохи» и «всё замерло до утра». При этом подразумевается, что это парное молоко течет прямо там же, в тени дикорастущей сирени, из маленького краника; садоводу и надо – то всего приложить усилий – протянуть руку, подставить стаканчик и повернуть краник.

– Ой, Лидочка, как мы тебе завидуем, – восклицала моя начальница, несравненная во всех своих проявлениях Валентина Матвеевна. – Это так романтично. Бескрайние российские просторы, чистейший воздух, ровно подстриженная лужайка, цветы, свежие фрукты и творог! Что может быть прекраснее!

Потом она вздохнула и, томно закатив ровно подведенные глазки, добавила:

– А мы с Павликом в этом году снова поедem в Ниццу, там у него работа – опять будет много фотографировать, а мне придется скучать на пляже, в одиночестве.

Это, правда, просто ужасно: остаться одной на пляже в Ницце, пока муж вкалывает за двоих...

– Ох, да, Валентина Матвеевна, я вам очень сочувствую. А хотите, оставайтесь в Москве, пускай Павел Николаевич едет работать в свою Ниццу, а вы с сыном к

нам приезжайте, будем пить парное молоко с вареньем, любоваться бескрайними просторами.

Во мне загорелся злорадный огонек. Я представила, как Валентина Матвеевна с сыночком Вадиком приезжают к нам на дачу, на наши родимые шесть соток. Все такие при маникюре и педикюре. На варенье с парным молочком. А я им: “Ой, как я рада! Ой, молочко! Конечно, конечно, Вадик, вон там коровка стоит... Ты вот так, вот так поделай, и молочко и себе, и маменьке нальешь...”

В общем, на Гаити в этом году я не попала.

В Ниццу, впрочем, тоже. Чему я очень рада. Там в этом году, говорят, погода плохая, холодно и дождливо. И круасаны в местной пекарне делают отвратительно, кондитер, Жуль Декасар, уволился, а новенький – совсем не то...

Зато в Подлипкове было просто замечательно.

Я решила в первый день отпуска отдохнуть, отоспаться, проваляться до обеда в кровати с книжкой и тарелкой смородины с сахаром. Но у лица, выдающего разнарядки там, в Небесной Канцелярии, были на меня другие планы.

2

Но, наверно, надо всё же представиться.

Меня зовут Лидия Федоскина. Мне двадцать девять лет. Я личный помощник генерального директора одной очень крупной туристической фирмы. Девушка я не глупая, языкам обучена (хвастать не буду, но три знаю неплохо). Живу в Москве, столице нашей Родины, практически с самого рождения, то есть двадцать лет.

С математикой у вас всё в норме, я поняла. От двадцати девять двадцать отнять можете.

И спросите меня, где я была до этого. Но ничего интересного я, к сожалению, сообщить не могу.

Я из детдома.

Меня никто никогда не навещал. И я совершенно не помню никого из биологической родни: ни отца, ни мать, ни братьев или сестер, если они у меня были.

Когда мне было пять или шесть лет, я оказалась в больнице с воспалением легких и высоченной температурой. Помню, ко мне в палату заходила женщина – высокая, очень красивая. От нее невероятно вкусно пахло. Она посидела около меня с минуту и ушла. И больше не появлялась.

Я долго пыталась нянечку, кто это был. Но она только виновато отводила взгляд, и всё твердила, что мне показалось. Что, дескать, не было никого. Приснилось мне.

Но я не верила.

И однажды улучила момент, залезла в кабинет директора, где и нашла свое личное дело, в котором значилось, что от меня отказались в два годика. То есть примерно тогда, когда поставили грозный диагноз «аутизм». В те годы – приговор. С таким диагнозом я моей биологической родне оказалась не нужна.

Ревела я после этого неделю. Или две.

А еще через пару лет у меня появилась семья.

Мне потребовалось двадцать лет прожить с моими НАСТОЯЩИМИ родителями, чтобы так спокойно об этом говорить.

Я была уже довольно большая и понимала, что тогда, в девять лет, со мной произошло чудо.

Мама и папа жили в маленькой квартирке в Замоскворечье, но мне она показалась дворцом. У меня была СВОЯ комната. Девять метров с окном во двор,

в которое любопытно заглядывала лохматая старая береза.

Моя мама – психолог, и она очень много со мной занималась.

В те далекие 90-е она работала в престижной школе, в которой учились многие отпрыски влиятельных людей. Не знаю, какими путями, но она добилась, чтобы меня взяли в эту школу. Вначале я не ходила на общие уроки: приносила в конце недели выполненные задания и брала новые на неделю вперед. Учителя не знали, что вместо положенных пяти – шести мы с мамой выполняли все задания в параграфе. Читали всю предложенную дополнительную литературу. А потом мама просила меня рассказывать то, что я прочитала, объяснять то, что я выучила вначале ей самой (первое время – на ушко), потом папе, потом соседскому мальчику, которому не удавалось понять какую-то тему, потом еще кому-то...

И уже через год или полтора таких занятий я вошла в класс.

Вы, наверно, думаете, что ко мне плохо относились «особые» дети. Я тоже этого боялась и идти первого сентября в школу не хотела категорически. Но мама надела на меня форму – скромное коричневое платье с плиссированной юбкой и белоснежный кружевной фартук – заплела в косички самые красивые ленты, какие только можно представить, вручила мне огромный букет и сказала:

– Ничего не бойся. Ты у меня умница, и я буду с тобой.

На линейке она решительно подтолкнула меня к классу, в толпу мальчиков и девочек.

– Ты что, дочка Марии Федоровны? – спрашивали одни. – Мы не знали, что у нее вообще есть дети...

– А где ты раньше училась? – с любопытством интересовались другие.

Тут мне на помощь пришла классная руководительница, Лидия Григорьевна – женщина довольно крупная, с низким, почти мужским голосом:

– Лида училась в нашей школе, только сдавала все экзамены экстерном, по семейным обстоятельствам, – и едва заметно мне подмигнула.

Почему – то этого оказалось достаточно, чтобы расспросы прекратились.

Я училась не хуже других, но лучше многих, и вскоре все забыли, как неожиданно я появилась в 5 «Б» классе первого сентября 1998 года. В тот же год, за две недели до новогодних каникул, мама и папа позвали меня на вечернее чаепитие. Как обычно. На столе стоял самовар (папа у меня историк, любитель русской старины, однажды из командировки в Тверь привез вот эту диковину; ой, как мама ругалась, что папа всякую рухлядь домой тащит!.. Пришлось за него заступаться и сказать, что мне самовар нравится, и что если его хорошенько почистить, то из него вполне можно пить чай вечерами – с тех пор у нас и повелась традиция вечерних чаепитий), тарелочка с конфетками, печенье и... торт. Мама с папой сладкого не любят, мне все время напоминали, что от сладкого портятся зубы, но почему-то всегда приносили домой и конфеты, и печенье, но торт в нашем доме был редкостью. Мама с папой – на удивление молчаливые – исподтишка поглядывали, как я уплетаю торт («Пражский», как сейчас помню).

Потом папа заговорил:

– Знаешь, доча, у нас кое-что произошло в семье, мама мне сегодня утром рассказала. И вот теперь мы это говорим тебе, нам нужно с тобой посоветоваться.

Я ничего не понимала, так как по моим сведениям ничего «такого» в нашей семье не происходило, если не считать разбитой вчера вазы – но я и правда нечаянно ее разбила, и уже извинилась за нее. Поэтому я продолжала молчать, как воды в рот набрав. А папа помолчал-помолчал и, наконец, сказал, то, что собирался:

– У тебя скоро будет братик... Или сестренка.

Над золотым пузатым самоваром повисла пауза. Мама с папой смотрели на меня во все глаза. Мама хотела что-то сказать, но не успела – я задала вопрос, который волновал меня больше всего остального:

– Вы хотите, чтобы я уехала обратно в детдом? – я услышала, как с грохотом упал стул, на котором сидела мама, кинувшаяся ко мне.

– С ума ты сошла, что ли! – крикнул папа, то ли мне, то ли ей, но я думаю, что всё же мне.

– А почему вы мне о братике и сестренке говорите с таким видом, что должно произойти что-то ужасное? – не унималась я, вырываясь из маминых рук.

– Маш, ну, отпусти ты ребенка, ты ж ее задушишь! – папа вернулся на свое место, положил руки перед собой. – Лида, мама уже не такая молоденькая для того, чтобы доставать детей, поэтому ей придется уйти с работы, а тебе решать, будешь ты ездить на учебу сама, или переведешься в школу поближе, – он укоризненно посмотрел на меня: – Ну, это же естественно, Лида, ты подумай. А ты всякую ерунду думаешь, мать расстраиваешь! Вон посмотри, на ней лица нет.

Тут я впервые посмотрела на маму. Она была вся заплаканная, встревоженная, какая-то выцветшая и очень несчастная. Мамочка моя!!! Как же я тебя люблю!

Вечером того же дня, когда я уже легла в постель, мама зашла ко мне в комнату, тихонько забралась под одеяло, и крепко-крепко меня обняла. Потом шепотом сказала:

– Знаешь, где я сегодня была? В церкви! Я должна была сказать «спасибо», за все то, что произошло в моей жизни: у меня есть твой папа, у меня есть ты, и будет еще кто – то. О большем счастье и мечтать нельзя, а, ты как считаешь?

Я кивнула, хотя мысли были заняты другим. Вот этим:

– Мам, а где мы все поместимся? Может, мне перебраться на кухню?

Мама расхохоталась так громко, что прибежал папа, встал в дверях, смущенно переминаясь с ноги на ногу, словно увидел то, что ему явно не полагалось видеть:

– А чего это вы тут в темноте сидите?

– Слышал, что предлагает твоя дочь? Она предлагает перебраться на кухню! Думает, так места больше будет, представляешь?

– А кушать мы, где будем? У тебя на кровати? Или на шкаф будем забираться?

Тут уж мы все расхохотались. Просто от того, что мы семья, и что у нас такие перемены, и они общие. А я еще думала, что мне надо поучиться пеленать кукол, а то мама такая маленькая, что, наверное, не справится с воспитанием малыша.

Вскоре у нас в доме затопали маленькие ножки. Вернее, в начале они, конечно, не топали, а лежали себе смирно в кроватке и кричали каждые три часа, как по будильнику. Одно только озадачивало моих родителей: они планировали мальчика (это папа), или девочку (это мама), а родились две девочки. Вроде как мамина двойная победа.

Помню, папа пришел из роддома такой серьезный, что я даже испугалась – не случилось ли чего. Сердце оборвалось, и дышать стало больно, и словно незачем. А он позвал меня на кухню, на семейный совет в усеченном составе.

– Лида, у нас тут такое дело с мамой вышло, – я замерла. – У нас близняшки, – мой крик ликования. – Две девочки, а мы готовили имя для мальчика, в общем, мама сказала, чтобы мы к выписке готовили варианты. Сразу нас с тобой ограничила: Октябрин, Трактарин, Терпсихор, и Олимпиадий не предлагать, – он меня обнял, а когда отпустил, его лицо светилось от счастья. – Только кушать нам, действительно, придется на твоём шкафу!

Вот такая у меня семья.

Наташка с Женькой выросли, обе белобрысые, сероглазые. В медицинский пошли. Наташка мечтает стать педиатром, а Женька непременно хирургом. Года три как мы с ними самозабвенно конкурируем. Дело в том, что у нас АБСОЛЮТНО одинаковый размер рук, ног, бюстов и всего остального. Покупаем всё в одном экземпляре, разных цветов, но, как ни крути, одного и того же размера. И как-то так получается, что Наташке с Женькой особенно, как они считают, идет именно то, что выбираю себе я?!

Так вот, возвращаясь к моему нестандартному отпуску.

Еще утром в пятницу, в свой крайний рабочий день, я решила поступить нестандартно и отправиться на дачу сразу же после работы. Чтобы осуществить эту затею, мне пришлось одеться как можно «демократичнее», как выразилась моя начальница, незабвенная Валентина Матвеевна. Вернее, она сказала следующее:

– Знаешь, Лидочка, если бы ты оделась еще чуть демократичнее, я бы тебя уволила.

Не знаю, чем ей не понравились мои вполне приличные брючки изо льна. Да, по колено, но это всё равно брючки, а не шорты: я их успела утащить у Наташки, а кофточку, само собой, у Женьки – будут знать, как прятать под подушку мои туфли. Но начальница при виде меня так скривила свои идеально подкрашенные губы, что ее очки-половинки едва не съехали с носа.

Хорошо, что я пришла на работу пораньше: неловко представить, что было бы, увидь она баул, в котором под тяжестью книг весело мялась моя одежда (вечерние платья, в отличие от героини мультика о Простоквашино, решила не брать). А еще брякал чайник, который мама забыла дома и непременно велела забрать.

Баул получился неподъемный.

Я с ужасом вспоминала, как я его везла сюда в маршрутке. С тоской представляя, как мне предстоит его тащить через всю Москву, сначала двадцать минут на автобусе, потом сорок минут – на метро, потом – по вокзалу, и еще от поезда до дачи полтора километра. Расстояние не ахти какое, но!.. Я еще раз тихонько потянула за лямки примостившейся под моим столом сумки – действительно, неподъемная.

Вечером я томилась в ожидании ухода начальницы. Примерно в четыре тридцать она вышла из кабинета и направилась к юристу – бедному нескладному мальчику, который разгребал жалобы недовольных туристов (кому отель не тот

предоставили, к кому трансфер из аэропорта опоздал и возникли проблемы с заселением, а кто-то жаловался на плохую погоду: мол, почему не обеспечили, раз в рекламе говорилось, что Турция «солнечная»). Проходя мимо меня, она нежно проговорила:

– Лидочка! Вы еще тут! Я бы на вашем месте уже нежилась на пляже! Отправляйтесь скорее дышать кислородом и поглощать фрукты! Я вас жду через две недели посвежевшую, отдохнувшую, и, надеюсь, способную оценить то предложение, которое я собираюсь вам сделать.

Заинтриговала – так заинтриговала. Честно скажу, дар речи у меня пропал минут на пять. Но думать о загадочном предложении не позволил телефон. Звонила Женька и пицала в трубку, что они уже на даче, и все только и делают, что ждут меня. Что папа уже собрался идти на станцию – меня встречать, а я, бессовестная, всё еще на работе. Женька у нас вообще самая правильная. Дисциплинирует себя для хирургии. Она утверждает, что хирург должен быть очень собранным. Наташка всегда при этом добавляет: «Чтобы не отрезать чего лишнего».

В общем, временно выбросив из головы интригующий намек Валентины Матвеевны, я рванула свою неподъемную сумку на плечо и поковыляла к выходу.

– Лидок! Удачного отпуска!!! – солнечная Татьяна, богиня нашей ресепшен – зоны, махнула мне рукой.

Выглянув из-за баула я смогла только жалобно и благодарно пискнуть в ответ.

Когда спустилась на первый этаж и вышла на улицу, поняла, что силы у меня уже закончились. И осталось только два выхода: или вытряхнуть половину вещей из сумки прямо здесь, на тротуаре, или поступить нестандартно (в который раз за этот день) и поймать машину.

Почему-то второй вариант мне понравился больше. На всякий случай, я заглянула к себе в кошелек, убедилась, что деньги там точно лежат, и решительно взмахнула рукой. Мимо проезжали машины, торопясь попасть в пробки на выезде из уставшего города.

Передо мной остановилась симпатичненькая машинка иностранного происхождения. Из нее высунулся вполне приличный мужчина.

– Вам куда, девушка?

Я на всякий случай оглянулась – это точно мне? – но больше никого рядом с собой не увидела. Потом оглядела чудо зарубежного автопрома, которое стояло передо мной и блестело пухлыми боками темно-синего цвета, и почему-то подумала, что на поездку до дачи на такой машинке содержимого кошелька не хватит.

– Никуда, – единственное, что пришло мне в голову.

Мужчина усмехнулся:

– Девушка, вы же только что голосовали? Значит, вам нужна машина, чтобы доехать куда-то. Правильно? – я кивнула. – Поэтому я вас и спрашиваю, куда вам, если по пути, подброшу. И денег много не возьму.

– А сколько возьмете? – мама меня учила, что «немного» – понятие растяжимое. – Мне в Подлипково надо, пятнадцать километров по Осташковскому.

– Знаю, мне в Терехино, это чуть дальше. Пятьсот устроит?

Меня устроило. Но всё равно было как-то неловко.

Неожиданно приятный незнакомец забросил мой баул в багажник и галантно приоткрыл пассажирскую дверь.

На всякий случай я поближе положила мобильный телефон и крепко обхватила сумочку, усаживаясь. Наверно, я смешно все это проделывала, потому что мужчина усмехнулся, но говорить ничего не стал.

Москва летом в пятницу превращается в Содом и Гоморру накануне потопа. Потоки людей волнами стекаются в душное нутро метрополитена. Раскаленный асфальт плавится под ногами. Все торопятся из города, шум, гам, на дорогах переполненные автобусы и электрички, раздраженные голоса и взгляды.

Кажется, что город готов разорваться на части и поглотить самое себя, лишь бы не видеть и не слышать своих жителей. Как же он устал от этого безумия! Город, как подросток, хочет, чтобы его оставили в покое.

Раньше, когда я была частью многотысячного потока, не замечала его. Но, знаете, всё выглядит иначе и особенно резко бросается в глаза, когда ты сидишь в прохладе юркой машины, тонированными стеклами ограждающей тебя от нервной истерики мегаполиса.

Тихая приятная музыка играла в салоне. Я никогда не была знатоком современной поп-культуры, что западной, что нашей, но эта мелодия меня почему-то притягивала, умело озвучивала настроение замученного города.

– А кто это поет?

– Патрисия Каас. Не узнали? Это старый диск, насколько я знаю. «Piano Bar». Неужели не слышали?

– Честно говоря, редко слушаю музыку, – призналась я, – времени мало. На работе обычно радио работает, но там такой не услышишь...

– Неформатная. Я сам немного музыкант, знаю, что на популярных радиостанциях такой нет.

– Да? Вы музыкант? А на каком инструменте играете?

– На саксофоне.

– Джазмен? – ахнула я.

Мужчина кивнул. Машина, ловко свернув на автостраду, присоединилась к тысячам страждущих свежего воздуха автомобилистов.

Тут затрещал мой телефон. От неожиданности я вздрогнула, уронила его, и по законам подлости он куда-то закатился, продолжая вибрировать, стонать и издавать непонятные звуки, вовсе не похожие на пятую симфонию Баха. Мне пришлось сползти на пол, прежде чем я смогла его найти. Но ответить не

успела. Пока я смотрела, кто звонил, телефон затрещал снова. Это была Женька.

– Ну ты, где? Папа с мамой уже успели поругаться из – за шашлыка и помириться снова, а тебя еще нет. Ты хоть с работы выехала уже?

– Я на проспекте Мира. Если повезет, то через час буду.

Молчание в трубке означало, что Женька соображает, а последовавшее затем сопение, что куда-то торопливо идет.

– Ты что, на машине едешь?! – зашипела она в трубку через мгновение. – С ума сошла, на ночь глядя! Мама узнает – тебя убьет, учти! Номер хоть и марку сбрось эс-эм-эской! Через десять минут выходи на связь!

Я же говорю, Женька у нас самая правильная. Она такой стала с пятого класса, когда на перемене, во время игры в прятки, оборвала в коридоре несколько занавесок вместе с карнизом и штукатуркой, и родителей вызвали в школу, а ей впервые поставили за поведение в четверти «удовлетворительно».

Я понимала, что она права, и такие ценные сведения надо сообщить. Но как их узнать, когда ты уже внутри? Я задумалась.

– 988 АРУ, темно-синий «крайслер рт крузер», две тысячи двенадцатого года выпуска, – улыбаясь проговорил мужчина. – Хорошая у вас подруга.

– Сестра, – автоматически поправила я и покраснела до кончиков волос (хотя куда уж им еще больше краснеть). Совсем забыла, что громкость на телефоне у меня стоит на максимуме – я ведь собиралась ехать на электричке.

– Пишите – пишите, не надо волновать семью.

Я хотела еще что-то сказать, но на выезде из города темно-синий «крайслер» остановили на посту ГАИ. Мужчина взял документы и вышел из машины.

Когда он стоял рядом с гаишником, мне, наконец, удалось его рассмотреть. Он оказался довольно высок, темные волосы коротко острижены и уложены. Я невольно посмотрела на себя в зеркало заднего вида – одеваясь

«демократичнее», я сегодня не успела уложить волосы. Правда, присмотревшись, я решила, что всё выглядит вполне неплохо, и успокоилась.

Еще у него был приятный голос, он слушал приятную музыку.

И наверняка женат.

Нет, я, в принципе не против: семья – это очень хорошо, это очень почетно. Просто... Как-то предсказуемо. Интересный мужчина просто так на дороге не валяется. Факт.

Тем временем мой добрый самаритянин вернулся в авто, снова мелодично заурчал двигатель, увлекая темно-синий «крайслер» в жерло автомобильного потока.

– Не заскучали? – поинтересовался незнакомец.

Я пожала плечами:

– Да не особо.

– У вас в Подлипкове дача?

– Ну да. Точнее, не у меня, а у моих родителей.

– А зачем такой громадный баул? – спросил он, кивнув в сторону багажника. И тут же спохватился: – Простите, ради Бога, не хочу вмешиваться не в свое дело, просто интересно. Да и беседа у нас с вами немного в тупик зашла, вы не находите?

Какая наблюдательность, право слово.

– Там книги, и всякая рухлядь, которую мама забыла дома, – небрежно отметила я. – И велела мне непременно все это привезти.

– Так вы планируете провести там выходные?

– Не совсем, – я поправила волосы и глянула на экран сотового. – Я там отпуск планирую провести.

Незнакомец улыбнулся, сворачивая на проселочную дорогу под указатель «Подлипково»:

– Иными словами, если завтра вечером я за вами заеду, чтобы пригласить в кино, например, то я вас найду на этой самой даче, в сени дикорастущей сирени?

Далась всем эта дикорастущая сирень. У меня всё похолодело внутри и вспотели ладони:

– С чего бы это вдруг? – я нервно поглядела на дорогу. До нашего садового участка еще ехать и ехать по пустынной дороге, меж рыхлого кустарника и тощих берез.

Мужчина усмехнулся. Бросил примирительно:

– Да не переживайте вы так. Это я просто, гипотетически, – он свернул в сторону широких ворот садового товарищества. – Не каждый день встречаешь на дороге симпатичную девушку, готовую окучивать грядки на родительской даче весь честно заслуженный отпуск.

У ворот, нервно поглядывая на экран телефона, караулила Женька. От сердца отлегло:

– Это вы просто не по тем дорогам ездите, – отрезала я, подмигнув Женьке через тонированное стекло. «Крайслер» проплыл вглубь товарищества, подруливая к моим родимым шести соткам. – Спасибо вам за помощь! Не знаю, что бы я без вас делала.

Я выпрыгнула из машины, торопливо подскочила к багажнику. Незнакомец вытащил мой баул как раз в тот момент, когда нас догнала из-за угла показалась насупленная Женька.

– Спасибо вам! – махнула я рукой, открывая калитку.

Незнакомец, все так же улыбаясь, махнул в ответ:

– Как вас зовут хоть, скажете?

– Лида.

– Руслан, – представился он и улыбнулся еще шире. В глазах мелькнул огонек. – Лида, так как на счет завтра: кино в силе?

У калитки, глядя на наше затянувшееся прощание замерла Женька. Последние слова Руслана повергли ее в шок. Она вытаращилась на меня, искоса поглядывая в сторону синего «крайслера».

– С чего бы это?

– Ну, значит, принципиальных возражений нет. Поэтому рискну подъехать к вам завтра в шесть и услышать окончательный ответ, – и, не дожидаясь отказа, захлопнул дверцу автомобиля и двинул в сторону выезда.

Женька проводила его взглядом. Посмотрела на меня:

– Это вообще кто?

Я развела руками:

– Руслан. Ты же всё слышала. Саксофонист и джазмен. Любитель Патрисии Каас и шикарных тачек, – я повернулась в сторону дома.

Женька округлила глаза:

– Ну ты, мать, вообще!..

– Сама в шоке.

Я устало выдохнула и направилась за дом, к источнику оглушительного аромата костра и шашлыка. Отсюда распространялся восторженный писк Наташки,

мамино щебетание, деловитый голос отца. Я напряглась: там, на площадке для барбекю, был кто-то еще. Я остановилась и повернулась к Женьке:

– У нас, что, гости?

Женька нахмурилась, но сделала вид, что не услышала.

– Же-ень.

Сестра торопливо подтолкнула меня:

– Да иди уже.

У нас небольшая дача, я уже говорила – всего-то шесть соток. Мама много лет назад строго-настрого запретила называть ее огородом и высадила там (ясное дело, не без нашего с папой участия, мелкие были еще совсем мелкие) сад: яблони, груши, несколько слив, шикарную вишню. Сейчас сад, конечно, был молодой, трогательно-наивный, как подросток. Но мы уже собирали мелкие, кислые до состояния «вырви глаз» ранетки, груши с нежной желто-оранжевой кожицей.

Рядом с домом установили открытую беседку с большим мангалом для барбекю – папиной мечтой. Мы с Наташкой и Женькой сшили пухлые разноцветные подушки, чтобы было удобнее сидеть. И с тех пор беседка стала нашим любимым местом для общения.

И вот, вывернув из-за угла, я уже почувствовала, что любимое место для общения и поедания вкусностей превратилось в клоаку коварного заговора. Против меня, естественно.

В центре, прямо напротив входа в беседку, подтолкнув под пышные бока все пошитые нами цветастые подушки, раскатисто хохоча, восседала тетя Света – мамина двоюродная сестра, женщина, уверенная в себе и своей правоте настолько, что даже невинный чих во время простуды приписывала высшим магическим силам, согласившись с ней. Мама явно нервничала, то и дело поглядывая на тропинку от дома. И, конечно, стоило мне на ней показаться, как сразу раздалось:

– А вот и наша Лидочка!

Вся компания оживилась, нарочито радостно бросившись мне в объятия. Кроме папы – он сочувственно стоял у мангала, помахивая над решеткой картонкой.

– Вы чего? С утра ж виделись, – успела понедоумевать я.

Мама бросила мимо меня суровый взгляд на Женьку:

– Ты ее предупредила.

Та насупилась еще сильнее и покачала головой:

– Не успела я.

– А зачем ты ее встречать вышла тогда! – всплеснула руками мама. – Ничего вам поручить нельзя! В такой ответственный момент!

Мне надоело на них поглядывать:

– Да что происходит-то?!

– Здравствуй, Лида.

Все замерли. Мама виновато опустила глаза, Наташка сникла, словно на нее вылили ушат холодной воды. Женька сопела рядом. Я обернулась на голос.

Передо мной, широко улыбаясь и щурясь на выглянувшее из-за облаков солнце, переминался с ноги на ногу Пашка Столбов, мой ухажер в студенчестве, и по совместительству племянник (троюродный, что ли) тети Светы. Пашка за прошедшие годы ни капли не изменился: такой же сутулый, худосочный, с невнятно выбритым подбородком и белесыми ресницами. Такая же улыбочка и уверенный в себе вид.

К черту его.

– Привет, чего не здороваешься? – повторил Пашка, все также улыбаясь и разглядывая меня.

Я взгляд не отвела:

– Ну, привет, пропащая душа.

Пашка еще шире улыбнулся. Промолчал.

– Ребята, давайте уже за стол, – нерешительно предложила мама, бросив на меня долгий тревожный взгляд.

Я кивнула. Главное – ничем себя не выдать. Главное – чтоб всё выглядело, как обычно.

Я подхватила Женьку под локоть и направилась к беседке. Папа всё еще задумчиво размахивал картонкой над шашлыком.

– Пап, – Наташка принюхалась, – ты уверен, что еще не пора снимать с решетки? А то пахнет так, будто уже почти поздно...

В самом деле, от мангала поднимался густой аромат пережаренного мяса.

Мама бросилась на выручку едва не загубленному ужину, тетя Света нарочито громко расхохоталась, Наташка засуетилась. Одни мы с Женькой стояли в задумчивости: я от самой задумчивости, Женька – от того, что я вцепилась в ее локоть.

Рядом материализовался Столбов:

– Вот на секундочку отошел, а здесь уже коллапс, – ехидно отметил он и подмигнул мне.

Женькин локоть напрягся, а у меня закипело внутри, выплескиваясь:

– Твое мнение забыли спросить!

Женька дернулась и больно толкнула меня под ребра. Мама и Наташка замерли, а тетя Света округлила глаза.

Пашка примирительно улыбнулся, устраиваясь напротив меня:

- Не кипятись. Просто шутка юмора...

- Давайте уже ужинать, - словно выйдя из анабиоза, снова засуетилась мама.

Наташка и мама отчаянно шутили весь вечер, стараясь разрядить обстановку. Тетя Света больше не хохотала, испепеляя меня взглядом. Она даже ела меньше обычного, так как глаза были заняты не выбором очередного куска мяса, а лицезрением моей физиономии. Пашка загадочно улыбался.

Мне показалось, или в его улыбке сквозит победа?

Я похолодела. Черт дернул меня сорваться. Можно же было придумать колкую шуточку. А сейчас... приходится терпеть эту самодовольную гримасу.

Женька пнула меня под столом: на меня все смотрели.

- Ты не ответила, Лид, - Женька пришла на помощь. - Тебя тетя Света спросила, всё в том же месте ты работаешь.

- Да, в том же, - кивнула я. - Стабильность - наше все.

Тетя Света наклонилась ко мне через стол, выразительно выпучив глаза:

- А Пашка-то у меня ввысь пошел.

- На повышение? - уточнила Женька.

Тетя Света кивнула, не отрывая от меня взгляда, гипнотизируя:

- Точно. На повышение. Большие дела теперь парень делает.

Да уж. Здесь я, видимо, должна была выпасть в осадок и начать биться в экстазе.

– О, круто. И чем теперь занимаешься, Паш? – вовремя встряла Наташка, не дав мне сказать еще какую-нибудь глупость.

Столбов вальяжно уперся локтями в скатерть, шумно сглотнул:

– Фактически, Павлова заменяю.

Павлов – это начальник группы переводчиков в МИДе. Департамент лингвистического обеспечения МИДа – вернее, так.

Классный мужик. Преподавал у меня на курсах.

– А Павлов где?

Пашка вытаращил глаза:

– Мать, да ты вообще из обоймы выпала! Павлов уже месяц как при ООН!

Впервые за этот вечер я посмотрела на него в упор.

– То есть ты всерьез намереваешься занять кресло ДимДимыча? – это было институтское прозвище профессора Павлова. Столбов покраснел от удовольствия. Отчего бледная до синевы кожа покрылась пятнами.

Господи! А ведь я же по нему с ума сходила! Каких-то шесть лет назад! Неужели такой душой была?

Пашка уже вещал о своей важной роли в Департаменте. Что без его визы ни один вопрос не решается. Со всем вниманием его слушала только тетя Света. Мама с Наташкой тревожно на меня поглядывали. Женька усиленно сопела рядом. Папа мрачно молчал, на его тарелке остывал небольшой кусок шашлыка, который он так и не съел.

Я едва дождалась окончания ужина, схватила стопку тарелок и умчалась их мыть на кухню.

Вода успокаивала. Хотя мне казалось, что от соприкосновения с ней от рук пойдет пар – так все кипело внутри.

Я наклонилась, умыв горячее лицо. Кажется, щеки даже припухли. Из головы не выходила самодовольная физиономия Столбова, длинные тощие руки, нескладная шея.

И, черт возьми, что он здесь делает? Какого беса приперся, да еще и с тетушкой в виде тяжелой артиллерии? Я только сейчас с ужасом поняла, что ни он, ни тетя Света особо никуда не торопятся, и есть риск, что они останутся на ночь!

– Это уж дудки! – вырвалось у меня. Хотя от меня ничего не зависит, без меня все решили.

– Лид, ты здесь? – через коридор прошуршали мамины шаги. – Ты чего в темноте?

Точно, я даже свет забыла включить.

– Не надо, мам, – торопливо сказала я. Мамина рука повисла в воздухе в сантиметре от выключателя.

Она подошла ко мне, обняла за плечи, прижалась лбом к моей прямой как палка спине.

– Лидок, так нельзя.

– Что именно нельзя?

Мама вздохнула:

- Столько лет прошло. Люди ведь меняются.

- С чего бы это Столбову меняться? Какие такие катаклизмы в его судьбе произошли, чтобы он стал другим?

- Почему именно катаклизмы? Ты опять все драматизируешь, дочь. Люди просто умнеют. Это им свойственно, понимаешь? А ты Паше даже шанса не даешь.

Я постаралась ровнее дышать. Ему, значит, надо еще и шанс дать.

- То есть ты на его стороне?

Мама потерлась лбом о мою спину:

- Глупая. Я всегда за тебя. Просто, иногда надо посмотреть на ситуацию со стороны, чтобы увидеть главное. Я могу. А ты, видимо, нет. И это мне еще раз подсказывает, что я права: у тебя что-то осталось к нему, к Паше. И это должно либо снова вас сблизить, либо перегореть в пепел. Понимаешь?

Она отстранилась от меня, шумно чмокнув в шею.

- За плечами не должно оставаться незавершенных дел. А это, видимо, не завершено, - отозвалась она уже на выходе из кухни. И голос ее растворялся в сгущающихся сумерках.

- Мам, а если всё еще больно?

Она помолчала. Тихо выдохнула.

- Тем более.

Мгновение, и скрипнула входная дверь, впустив внутрь тихий ручеек беседы, доносившейся из беседки и тонкий запах костра.

Вдоль дома мелькнула сутулая тень, и через мгновение раздался тихий стук по стеклу:

– Лид, ты здесь?

Пашка. Быстро вытерла лицо полотенцем, уже на ходу приглаживая волосы и выскользнула во двор.

– Чего барабанишь? – бросила я в темноту. Пашка выплыл из-за угла дома на мой голос.

– Тебя ищу, естественно, – я вздрогнула. «Естественно» – любимое Пашкино выражение. Когда-то меня забавило. А сейчас?

– Зачем?

Пашка приобнял меня за плечи, увлекая дальше от беседки с ее неторопливым разговором.

– Пойдем, пройдемся, что ль.

Я пошла.

Мы пересекли укрытый синевой двор и вышли за ворота. Ноги утопали в мягком, сыром песке, не просохшем еще за день. Звуки путались в ветвях, любопытно прислушиваясь к нашим неторопливым шагам. А редкие фонари подслеповато подглядывали за нами.

Мы миновали нашу улицу. По скользкой, покрытой вечерней росой, траве вышли к ручью. Я поежилась: то ли от нервов, то ли от прохладной сырости, тянувшейся с медленным течением.

Пашка понял это по-своему. Снял джемпер, протянул мне, пытаюсь заботливо укутать. Привлек меня к себе, плотнее прижимая.

Его руки. Я уже забыла, какие у него руки.

Он ведь очень высокий, Пашка. Высокий и худой как жердь. И руки у него длинные и жесткие.

Когда-то я их называла волевыми.

Я выставила вперед локти, не позволив себя обнять. Он немного обмяк, чуть отстранился. И плотнее запахнул на мне свой джемпер.

- Замерзнешь, – голос с хрипотцой, когда-то сводивший меня с ума.

- Не дождешься.

Я отошла ближе к ручью. Ежедневные дожди почти превратили его в полноценную речку. Еще чуть-чуть – и можно купаться. Пашка встал рядом.

- Ты зачем приехал?

- Соскучился?

Я вздернула бровь:

- Это ты у меня спрашиваешь?

- Просто не знаю, какой ответ тебя устроит.

Я подняла с земли пару камней, бросила в воду:

- Меня устроит правда. Так зачем?

Пашка молчал. Тоже наклонился, взял несколько камней, запустил в струящийся поток. Кашлянул:

- Ты вообще как живешь? – в желтом свете уличного фонаря он был похож на птицу.

Я скрестила руки на груди:

- То есть ты появился через шесть лет для того, чтобы поинтересоваться как я живу? Так? Нормально живу. Об этом мог бы спросить и у своей тетки. Не

пришлось бы вечер убивать, тащиться в такую даль.

Его руки скользнули по моей талии, обвивая ее. Рывок – и он уже прижимает к себе мою голову, нежно гладит шею. Горячее дыхание в ухо:

– Брось, Лид. Я скучал без тебя.

В голове шумело. Сильные, волевые руки. Знакомый, въевшийся в подкорку аромат. Ноги подкосились. Он подхватил, еще крепче прижимая к себе.

– А что же твой Галчонок?

Его грудь напряглась. Руки словно окаменели.

– Так что, как же Галчонок позволила тебе скучать-то по мне целых шесть лет?

Пашка отстранился. Посмотрел на меня сверху вниз внимательно. Даже с удивлением.

– Ты раньше такой не была.

– Раньше? – я прищурилась. – Раньше я дурой была влюбленной.

– А сейчас, значит, не дура?

– А сейчас, значит, не влюбленная.

Я направилась к дому.

– Погоди.

Пашка присел на сырое бревно.

– По-дурацки как-то вышло. Я ведь очень старался, чтобы всё хорошо сложилось. Мы встречались. Любили друг друга, – он коротко глянул в мою сторону, – знаю, ты меня любила, и, что бы ты ни думала сейчас, я тоже тебя любил. Планы

были... Мечты...

- А потом тебе стало ясно, что серьезную карьеру, о которой ты мечтал, без связей и блата не построишь, - продолжила я. - И появилась Галочка.

Пашка нахмурился. О, эта темя ему неприятна! Легкое чувство победы... нет: удовлетворения... захлестнуло меня:

- И девочка Лида тебе оказалась уже не нужна. Как и совместные с ней планы и мечты.

Пашка поднял голову, посмотрел на меня с вызовом:

- Мы же так оба решили! Что надо набраться опыта. Построить карьеру. Добиться чего-то в жизни.

Я кивнула:

- Оба. Ты говорил, а я кивала.

- Ты могла и не кивать.

- И что бы это изменило? - я посмотрела на него. - Так ты не ответил, что твоя Галочка?

- Она во Франции, замужем за нашим пресс-атташе.

Вторая волна удовлетворения меня уже прям согрела:

- Бог мой, неужели, ты рожей не вышел?

Пашка встал.

- Лид, прекрати. Я же понимаю: ты злишься, что у нас с тобой ничего не вышло. Но, знаешь, я всё понял. Давай попробуем еще раз?

Он взял меня за руку, привычным жестом перебирая мои пальцы. Сейчас он походил на эльфа, которого играл Орландо Блум. Сердце томительно сжалось. Голос предательски дрогнул:

- Слушай, Паш. Ты же сейчас за столом говорил, что у тебя карьера в гору пошла. Тебе же нужна более перспективная невеста. Зачем тебе я?

Пашка смутился. Выпустил мои руки. Отвернулся к реке. Сорвал травинку, долго молчал, отбивая ею такт по поваленному бревну.

- Должность Павлова мне не дадут, пока я холост.

Меня словно ледяной водой окатило.

- И что? При чем здесь я?! - Хотя, конечно, я уже догадывалась, при чем.

Столбов резко повернулся ко мне:

- Лид, прекрати ерничать, - он приблизил ко мне лицо, с трудом подбирая слова, из-за чего они выходили медленно, словно под давлением. - У нас же любовь была. Не могло же всё... перегореть.

Я посмотрела ему в глаза. Впервые за этот вечер. Серый омут цвета ртути.

- Почему не могло? - я тоже приблизила к нему свое лицо. Теперь нас разделяло несколько сантиметров. - Чему гореть-то особо было?

В его глазах мелькнуло сомнение. Ртуть всколыхнулась, пропуская отблески сине-черного.

- Паш, ты о чем вообще? - третья волна дала мне силы. - Ты бросил меня, помнишь? Решил найти подходящую партию. И тебя всё устраивало. Никаких мук. Никакой тоски и страданий. И теперь, когда наклеивается новая должность, ты вспомнил обо мне. Зачем? С чего ты решил, что я клюну на всю эту ересь?

Шах и мат. Я приперла его к стене, взяла за ворот рубашки, не давая отстраниться, уйти от ответа. Хотя я его уже знала.

- Мне сказали, что у тебя никого нет.

Я застыла. Легонько оттолкнув от себя, выпустила его рубашку.

- Легкая добыча, значит? Типа, ты - последний герой, и я за тобой, без оглядки? Так?! Говори!

- Ты всё неправильно понимаешь, - он стал опять похож на птицу. Только теперь мокрую и даже слегка побитую.

- Говори, сказала!

- Брось, Лид. Ты любила меня, я же знаю. Я хочу начать всё с начала. Ты умная женщина, хорошая хозяйка, не куришь-не пьешь.

- То есть я тебе подхожу... Паш, так ты жену себе выбираешь или модный гаджет? А?

Пашка моргнул.

- Уезжай.

5

Прорываясь тяжелой поступью сквозь сон, над ухом гудел «Танец маленьких лебедей».

Семь тридцать утра. Суббота.

Чашка кофе, толстый кусок белого хлеба с увесистым кружком колбасы. И в офис.

Руслан Федорович Лебедев с силой выдернул себя из постели, стряхивая с широких плеч остатки сна. Прозрачным шлейфом улетучился образ рыжеволосой незнакомки со старомодным именем Лида и бомбической сумкой непередаваемого зеленого цвета. Кажется, во сне она ему что-то рассказывала. А, да, точно! Делилась рецептами приготовления круассанов. И, кажется, говорила по-французски. Он, конечно, не особо силен в языках, но очаровательную картавость сложно с чем-то спутать.

«Красивая девочка Лида, что в доме напротив живет», – пульсировало в висках.

Руслан, покачиваясь, зашел в ванную. Привычным жестом дернул вверх короткий рычажок душа, размахисто похлопал себя по небритым щекам:

– Подъем, – коротко скомандовал себе, окончательно просыпаясь. Холодный душ, торопливые сборы, и времени на чашку кофе опять в обрез.

Быстро проглотив обжигающе-горький напиток, он схватил ключи от машины, увесистый портфель, и выскочил на лестничную площадку.

В кармане завибрировал сотовый. Уже забегая в лифт, Руслан глянул на экран: Борис.

– Алло, Борь, буду через двадцать минут, – коротко бросил он в трубку, – без меня не начинай.

Хотя и так ясно – будет ждать.

Уже через восемнадцать минут, спасибо еще спящей Москве, он вышел из темно-синего «крайслера», оставив его на полупустой стоянке Делового центра.

Огромные стеклянные двери распахнулись перед ним почтительно и услужливо, впуская внутрь просторного холла: серо-голубые панели, тонкие вставки зеркал и аскетичные люстры. Темные диваны в клиентской зоне пусты, что еще раз доказывало – сегодня никто не будет отвлекать.

Зеркальный лифт мягко увлек его вверх, на родной пятый этаж, в офис, в котором он проводит гораздо больше часов, чем дома. Который, по сути, и

является его домом. В крохотном «пожарном» чемоданчике припасен бритвенный набор, чистая рубашка, носовой платок и носки.

«Адвокатское бюро «Стерх», офис 512. Прозрачные стены отделяют холл от зоны ресепшн, владений офис-менеджера и его помощницы, Арнии Николаевны.

Если бы у адвокатских контор было официальное лицо, то Арния Николаевна с легкостью прошла бы кастинг: высокая, стройная, несмотря на свои пятьдесят с большим «хвостиком» лет, всегда в безупречно белой, словно перо стерха, блузке и узкой черной юбке ниже колен. Модная стрижка, аккуратный маникюр, изысканные аметисты в серебре. И увлеченность молодым, немного сумасшедшим коллективом.

– Арния Николаевна! – увидев ее величественное лицо, воскликнул Руслан виновато. – Выходной же! Отчего Вы не дома?

Пожилая дама удивленно посмотрела на него сквозь свои очки-половинки:

– Что? Сидеть дома и варить борщ внукам? Грешно не воспользоваться случаем и не сбежать, когда от тебя меньше всего этого ждут...

Руслан просиял:

– Что, дочка опять собралась в отпуск без детей?

Арния Николаевна сняла очки – половинки, доверительно наклонившись к Руслану:

– Более того, она решила, что мне уже пора на пенсию! – и она выразительно подняла вверх указательный палец, что свидетельствовало о высшей степени возмущения.

Арния Николаевна была из тех женщин, которые категорически отказывались стареть.

Она вернула на переносицу тонкую оправу и протягивая ему толстую стопку бумаг с торчащими в разные стороны, словно зубы дракона, зажимами для

бумаги:

– Руслан Федорович, все откэнонила, как вы просили, письмо в прокуратуру отправила, – торжественно отчиталась она.

Последнее особенно порадовало Руслана – письмо было срочное, но подготовили его поздно, местное почтовое отделение уже не работало, а через Главпочтамт отправлять – целая история:

– Успели?! – воскликнул он, перехватывая тяжелую стопку документов. – Вы, Арния Николаевна, верно, волшебница.

Пожилая дама просияла, уклончиво кивнула на длинную квитанцию об отправлении:

– Я же говорила, у меня связи на Главпочтамте.

Руслану оставалось только понимающе улыбнуться.

– Я вам сейчас кофе сварю, – Арния Николаевна величественно поднялась и направилась в небольшую комнату без окон, гордо именуемую обитателями адвокатской конторы кухней, а Руслан пошел в сторону своего кабинета.

Его уже ждал Борис – худощавый парень с рыжей шевелюрой и конопатым носом. На его горе и фамилия у него была соответствующая – Рыжиков.

– Руслан Федорович, здравствуйте, – помощник почтительно привстал, протянул узкую ладонь с тонкими красноватыми пальцами. Его светло-голубые глаза сияли и сам он излучал нетерпение. По всему видно: что-то нарыл.

Чтобы ответить на приветствие, Руслану пришлось положить на стол папку с бумагами и бросить на стул портфель:

– Приветствую, Борис Иванович, что накопили?

Боря тут же покраснел, протягивая через стол Руслану стопку истрепанных распечаток, сплошь исчерченных желтым и оранжевым текстовыделителем.

– Ого, – Руслан глянул на помощника. – Ты сегодня спал вообще?

Борис уклончиво мотнул головой. Ясно, не спал парень.

– Давай, рассказывай.

Борис выскочил из-за стола:

– Во-первых, это не первое аналогичное дело в Москве...

– Но это и так ясно, схема стара как мир, – отметил Руслан, пробегая глазами фрагменты отмеченного текста.

– Более того, – Борис торопился, из-за чего «проглатывал» буквы и даже слоги. Руслан поднял от бумаг спокойный взгляд: он уже знал, что увидел Боря в документах. И то, что тот не увидел – тоже. Но не дать парню договорить было бы жестоко: – Несколько дел дошли до суда, и везде фигурирует наше ЗАО «Родимич». Все дела рассматривались первым судебским составом, судья...

– Ибрагимова, – кивнул Руслан, раскладывая врученные Борисом бумаги на брифинг-приставке.

– Точно! – Борис победоносно умолк.

Руслан уперся кулаками в столешницу.

...Чуть больше месяца назад в офис адвокатской конторы пришла пожилая дама: седые волосы убраны в аккуратный пучок, безупречный брючный костюм, по всему видно – не на соседку-кошатницу жаловаться пришла. Она долго ожидала в холле, наотрез отказываясь общаться с другими адвокатами.

– Мне посоветовали обратиться именно к Руслану Федоровичу, – безапелляционно сообщила она.

Руслан освободился около шести вечера.

– Иди, Борь, день сегодня сумасшедший, – глянув через стеклянную перегородку на даму в брючном костюме, он попытался отправить помощника домой.

Борис остался.

Настойчивая клиентка, войдя в кабинет, подозрительно на него посмотрела.

– Это мой помощник, очень талантливый юрист, Борис Иванович Рыжиков.

Дама вздернула брови, придвинулась ближе к столу, поправила изумрудно зеленую сумочку.

– Руслан Федорович, – начала она. Голос у нее оказался неожиданно низким. – Мне Вас порекомендовала Дарья Йоминг, моя сокурсница и ближайшая подруга вот уже пятьдесят с лишним лет... Даже страшно подумать, – дама кокетливо улыбнулась.

Дарья Йоминг. И имя запоминающееся, и его обладательница. Руслан откашлялся, вспомнив сложный бракоразводный процесс этой самой мадам Йоминг: ее сорокалетний супруг очень желал заполучить московскую квартиру, обещанную ему Дарьей в качестве свадебного подарка. Сам господин Йоминг, конечно, в Москве не проживал, имел приличный бизнес по производству шампуней в Корее, но то ли дела шли не очень, то ли очень уже хотелось насолить бывшей супруге... В общем, дело дошло до суда. Господин Йоминг оказался продуманным товарищем, приобщил к материалам дела аудиозапись их телефонного разговора, в котором Дарья и бросила злополучную фразу: «Я задумала сделать тебе шикарный подарок к свадьбе, я думаю, тебе понравится. Я сейчас как раз в нем нахожусь». Она имела ввиду ретро-ужин в московском ресторане, он подумал про квартиру. Благо, наше законодательство такие моменты разделяет точно. А то бы пришлось Дарье Йоминг проживать со своей дочкой в Бирюлево.

– Простите, как мне к вам обращаться? – уточнил Руслан, расположившись напротив клиентки.

– Ах, простите, право слово, так не удобно! Меня зовут Марья Антоновна Золотарева.

Руслан прищурился:

– Простите за любопытство, Марья Антоновна. Иван Золотарев, музыкант – вам родственник?

Марья Антоновна гордо улыбнулась:

– Сын, да. Вы знакомы?

– Нет, что вы, – Руслан поднял руки к потолку и широко улыбнулся. – Но мне очень нравится то, что он делает. Может, вы не откажетесь от чашечки кофе или китайского зеленого чая?

Марья Антоновна кокетливо отшатнулась:

– О, нет! Я, пока вас ожидала, поглотила норму выработки небольшой колумбийской кофейной плантации, – и она бережно опустила сумочку на стол.

– Тогда, может, поведаете мне, что вас ко мне привело?

Пожилая дама сразу стала серьезной.

– Очень удачно, что вы спросили о моем сыне, – она повозилась, достала из сумочки носовой платок, – вы наверняка знаете, что Иван последние годы живет в Штатах, много выступает, у него записи, концерты, поклонники, – Руслан понимающе кивнул. – Так случилось, что порядка шести лет назад на пороге моей квартиры оказалась женщина. Она утверждала, что у нее дочь от моего Ванечки. Я, конечно, хотела ее прогнать, но девочка, действительно, была очень похожа на сына, – Мария Анатольевна нервно комкала носовой платок, то закручивая уголок, то разглаживая его вновь. – Сперва Ваня ничего слышать не хотел. С той женщиной, Ириной, он расстался как-то очень нехорошо, я до сих пор не знаю подробностей. Но Ольга, та девочка, действительно оказалась его дочкой, анализы подтвердили...

Пожилая дама тяжело вздохнула. Снова опасливо оглянулась на Бориса, но через мгновение продолжила:

– У Оли и Ванечки довольно сложные отношения до сих пор, а Ирина... Она появилась на моем пороге, когда было уже поздно что-то менять, знаете. Она была очень тяжело больна. Я думаю, именно это и заставило ее найти меня.

Руслан снова кивнул. История – каких сотни. Он ждал продолжения и, собственно, сути проблемы. Борис неслышно вышел из кабинета, через минуту уже вернулся с графином. Стараясь не потревожить задумавшуюся даму, он налил ей воды. Мария Анатольевна благодарно ему кивнула. Кажется, он перестал вызывать у нее недоверие.

– Оленька уже довольно взрослая. И я решила, что ей пора серьезно задуматься о своем будущем. От Ирины, ее матери, у нее осталась квартира в Марьино. Я предложила Оленьке ее продать и приобрести побольше и поближе ко мне. Понятное дело, это выходило дороже, но разницу я взяла на себя, и Ваня помог.

Руслан напрягся: он почувствовал, что именно сейчас прозвучит основная, самая важная информация. Не спуская глаз с пожилой дамы, вертевшей в руках носовой платок, он протянул руку за блокнотом.

– Всё прошло хорошо. Квартиру Ирины продали довольно удачно, подобрали хороший вариант в моем районе, – Мария Анатольевна подняла глаза. – Руслан, понимаете, я ходила с ней на все сделки. Ничего не вызвало сомнений, ни у меня, ни у риэлтора. Все документы в порядке. Продавец – такой приятный, улыбчивый мужчина...

– Так что случилось? Расскажите, пожалуйста, подробнее. И, если вы не возражаете, с этого момента будет включен диктофон, – он бросил короткий взгляд Борису.

– Оказалось, что продавец не имел права распоряжаться квартирой. И сейчас, сделку должны признать недействительной, – она рассеянно посмотрела на Руслана. – Но своих денег мы назад не получим, так как продавец их потратил и больше у него ничего нет. Руслан Федорович, я просто не знаю, что делать! Вышло так, что я внучку подбила на какую-то авантюру!..

И вот позади месяц работы с документами. Месяц скитаний по инстанциям. Месяц в поисках правды. И почти ускользнувшая возможность что-то изменить.

Почти.

Сейчас, ранним субботним утром, вглядываясь в разложенные на столе документы, он начинал понимать схему, по которой действовали мошенники. И, если его догадка верна, переиграть его окажется не так-то просто.

«Еще посмотрим, кто кого», – мелькнуло в голове.

* * *

В кабинет заглянула Арния Николаевна:

– Руслан Федорович, уже четыре, – она поправила прическу. – Я пойду. Вам еще кофе сварить?

Руслан устало проморгался:

– Спасибо, моя дорогая Арния Николаевна! Не надо. Больше – не могу.

– Домой пойдете?

– Обязательно! Вот прямо сейчас и пойдём, да, Боря?

Борис вынырнул из-за монитора:

– А?

Руслан потер подбородок:

– Я говорю, домой иди уже!

– А вы?

– И я.

Арния Николаевна улыбнулась:

– Ну, тогда я за вас спокойна, – и прикрыла за собой дверь. По коридору прошелестели ее шаги.

Борис задумчиво смотрел на покрытый трехслойным ворохом папок стол: толстые подшивки, блеклые картонки с надписью «Дело», из которых торчали в разные стороны карандаши и ручки, служившие закладками... И не решался нарушить их стройный порядок.

– Борь, что у нас сейчас в кино идет? – Руслан подошел к окну, любуясь панорамой Москвы, укутанной тонкой пеленой смога.

Борис аккуратно, чтобы не выронить карандаши и ручки из папок, приподнял крайнюю стопку и понес ее в шкаф:

– Да муть всякая. Или мультики.

– Жаль.

– А че?

– Ни «че», Борь! Ты ж адвокат будущий! – Руслан поднял вверх указательный палец. А Боря покраснел. – А ты «чекаешь»... Девушку собирался пригласить. А на муть вести не хочется, – он помолчал. – Хочется впечатление произвести.

Борька замер со следующей партией папок, вытянул в задумчивости тонкую шею. Его брови поползли на лоб, глаза просияли:

– Точно! Есть, Руслан Федорович! Есть! В «Парадизе» сегодня «Меняющих реальность» показывают с Мэттом Дэймоном!

Руслан отвернулся от окна, уставился на помощника:

– «Парадиз»? Это где?

– Ну, «Парадиз», – Борис развел руки, удивленный тем, что шеф не знает такого заведения, – это частный кинотеатр, очень классный, элитный. Уютные диванчики, вкусное меню. Там, правда, клубная система, но я что-нибудь придумаю, – добавил он, уже хватаясь за сотовый.

Руслан плюхнулся в кресло:

– Борь, откуда такие связи? Колись по-быстрому.

Рыжиков покраснел.

– У меня там мама работает...

6

Слава Богу, никто не заговаривал со мной про Пашку.

Вчера вечером он собрался сам и увез тетю Свету. Та, конечно, любопытно вертела головой, поглядывая то на меня, то на племянничка. Но Столбов сказал, что ему позвонили с работы и ему надо срочно ехать.

Хоть на это мозгов хватило.

После его отъезда я ушла к себе. Разговаривать ни с кем не хотелось. Объяснять что-то – тем более. Я легла и притворилась спящей.

На душе было гадко и противно. Словно перебирало липкими холодными лапками стадо лягушек. Или как там называются лягушачьи популяции?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/kretova_evgeniya/nesluzhebnyy-roman

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)